Дата поступления рукописи в редакцию: 07.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-172-175

ШИГОНИН Александр Борисович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», г. Симферополь, Россия,
e-mail: shigonin.ab@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА НОРМАЛЬНОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ, ПСИХИЧЕСКОЕ, НРАВСТВЕННОЕ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (СТ. СТ. 150–151.2 УК РФ)

Аннотация. *В статье исследуются вопросы, связанные с квалификаций преступлений, предусмотренных ст. ст. 150 - 151.2 УК РФ. Сделан акцент на то, что вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную асоциальную деятельность представляет собой одну из наиболее опасных форм негативного воздействия взрослых лиц на формирующуюся личность ребёнка. Автор указывает, что при применении ст. 150 УК РФ возникает целый ряд серьёзных квалификационных трудностей – от истолкования самого понятия вовлечения до установления пределов соучастия взрослого в преступлении, фактически совершённом подростком. Отмечено, что вопросы, связанные с определением круга лиц, обладающих признаком специального субъекта, относящегося к субъективным признакам квалифицированных составов, предусмотренных соответствующими пунктами частей 2 ст. ст. 150 и 151 УК РФ, соотношением норм общей и особенной частей УК РФ, квалификационными проблемами применительно к ст. 151.2 УК РФ являются дискуссионными.*

Ключевые слова: *квалификация преступлений, вовлечение несовершеннолетних, специальный субъект, сравнительный анализ, противоправные действия.*

SHIGONIN Alexander Borisovich,
Candidate of Law Sciences Associate Professor of the Department of Criminal Law Crimean branch of FGBOUVO «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» Simferopol, Russia

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF CRIMES THAT ENCROACH ON THE NORMAL PHYSICAL, MENTAL, MORAL, AND INTELLECTUAL DEVELOPMENT OF MINORS (ARTICLES 150–151.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation. *The article examines issues related to the qualifications of crimes provided for in Articles 150-151.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The emphasis is placed on the fact that the involvement of minors in criminal and other antisocial activities is one of the most dangerous forms of negative impact of adults on the emerging personality of a child. The author points out that when applying Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, a number of serious qualification difficulties arise – from interpreting the very concept of involvement to setting the limits of an adult's complicity in a crime actually committed by a teenager. It is noted that issues related to the definition of the circle of persons with the sign of a special entity, referring to the subjective signs of qualified personnel provided for in the relevant paragraphs of parts 2 of Articles 150 and 151 of the Criminal Code, the ratio of norms of the general and special parts of the Criminal Code, qualification problems in relation to art. 151.2 of the Criminal Code are debatable.*

Key words: *crime classification, involvement of minors, special subject, comparative analysis, unlawful actions.*

Законодатель объединил преступления, предусмотренные ст. ст. 150–151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в одну группу поскольку они занимают центральное положение в системе уголовно-правовой охраны несовершеннолетних. Вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную асоциальную деятельность представляет собой одну из наиболее опасных форм негативного воздействия взрослых лиц на формирующуюся личность ребёнка, поскольку результатом подобного воздействия становится не только разовое отклонение от правомерного поведения, но и постепенное усвоение подростком криминальных ценностей, привычек и установок, формирующих у него устойчивую склонность к противоправному образу жизни в

будущем.

Ст. 150 УК РФ устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путём обещаний, обмана, угроз или иным способом, осуществлённое лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. В тоже время при практическом применении этой нормы возникает целый ряд серьёзных квалификационных трудностей – от истолкования самого понятия вовлечения до установления пределов соучастия взрослого в преступлении, фактически совершённом подростком. Высшая судебная инстанция разъясняет, что под вовлечением надлежит понимать действия, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания совершить преступление; такие действия могут выражаться в форме обещаний, обмана, угроз, а равно в виде предложений совершить общественно опасное деяние [1]. Оконченным это деяние признаётся в момент, когда несовершеннолетний приступает к соответствующим действиям, то есть фактически принимает участие в реализации преступного умысла взрослого.

Существенным дискуссионным вопросом остаётся квалификация содеянного в ситуациях, когда вовлечённое лицо не достигло возраста уголовной ответственности либо не подлежит привлечению по иным основаниям. Анализ судебной практики показывает, что в подобных случаях действия лица совершившего такие деяния необходимо квалифицировать по правилам совокупности.

Статьи 150–151.2 Уголовного кодекса РФ образуют единый блок, направленный на ограждение несовершеннолетних от криминализации. Вовлечение подростка в противоправную деятельность опасно тем, что формирует у него устойчивые девиантные установки, повышая вероятность выбора преступного пути в будущем.

Примечательно, что статья 150 УК РФ устанавливает ответственность для совершеннолетних лиц, склоняющих подростков к совершению преступлений любыми способами: от уговоров и обмана до угроз. Согласно судебной практике, состав преступления считается оконченным в момент реального участия несовершеннолетнего в противоправном деянии. Особую сложность в правоприменении вызывают случаи, когда подросток не подлежит уголовной ответственности. В такой ситуации суды часто применяют совокупность преступлений, что до сих пор вызывает дискуссии в юридическом сообществе. То есть, за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления квалификация осуществляется по ст. 150 УК РФ. За совершение иного преступления квалификация должна осуществляться в порядке посредственного причинения вреда в силу положений ч. 2 ст. 33 УК РФ. Подобный подход получил научное подтверждение в работах исследователей, отмечающих, что взрослый в такой ситуации должен нести ответственность и как подстрекатель, и как соисполнитель, если он сам принимал непосредственное участие в совершении противоправного деяния [2, с.45].

Самостоятельные квалификационные сложности возникают при оценке ситуаций, когда в одно преступление вовлекается одновременно несколько несовершеннолетних либо когда один и тот же подросток вовлекается в совершение нескольких противоправных деяний. Учитывая повышенную общественную опасность системного преступного воздействия на подрастающее поколение, законодатель предусмотрел в уголовном законе, в частности в ч. 4 ст. 150 УК РФ новый квалифицирующий признак – вовлечение несовершеннолетнего в совершение трёх и более преступлений небольшой и (или) средней тяжести. Эта новелла стала ответом на устойчивую практику использования подростков профессиональными преступниками для систематического совершения корыстных посягательств – преимущественно краж и сходных с ними деяний [3, с.99].

Дискуссионный характер также имеет вопрос связанный с определением круга лиц, обладающих признаком специального субъекта, относящегося к субъективным признакам квалифицированных составов, предусмотренных соответствующими пунктами частей 2 ст. ст. 150 и 151 УК РФ. Здесь обращает на себя внимание формулировка «иные лица», которая в определенной степени вызывает трудности у правоприменителя в процессе квалификации. Учитывая нормы законодательства, регулирующего семейные отношения к иным лицам следует относить не только биологических родителей [4, с.37].

В качестве примера уместно обратить внимание на приговор Никифоровского районного суда Тамбовской области. Подсудимая, выступая мачехой несовершеннолетнего и проживая совместно с ним, вовлекла пасынка в попрошайничество, обучив его приёмам выпрашивания у посторонних лиц денежных средств и продуктов питания. Суд квалифицировал её действия по ч. 1 ст. 151 УК РФ без вменения квалифицирующего признака специального субъекта, несмотря на то что воспитательные функции в отношении ребёнка она фактически выполняла. По аналогичному пути пошёл и другой суд, привлекая по ч. 1 ст. 150 УК РФ бабушку, воспитывавшую несовершеннолетнего внука на основании нотариально заверенного согласия его матери [5, с.268].

Подобная категоричность формализованных в уголовном кодексе условий о возложении законом на иное лицо обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего представляется избыточной и не учитывающей современную транс-

формацию института семьи. Социологические исследования констатируют широкое распространение различных моделей семейных отношений, отличающихся от традиционной нуклеарной семьи. В настоящее время распространены такие явления как неполные семьи, незарегистрированные браки, семьи, где воспитываются внебрачные дети одного из партнёров [6, с.215]. В этих условиях игнорирование законодателем фактически сложившихся отношений по воспитанию ребёнка приводит к ситуации, когда наиболее криминогенно опасные для несовершеннолетнего лица оказываются вне сферы повышенной уголовно-правовой ответственности.

Сравнительный анализ диспозиций ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151 и п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ обнаруживает любопытную законодательную непоследовательность. Если в норме общей части УК РФ в том числе упоминается и лицо которое проживает совместно с несовершеннолетним или несовершеннолетней, то в соответствующих статьях особенной части УК РФ указание на это обстоятельство отсутствует. Такое расхождение создаёт парадоксальную ситуацию: один и тот же фактический субъект – мачеха, отчим, сожитель родителя – может быть учтён судом при индивидуализации ответственности через ст. 63 УК РФ, но не может быть привлечён по квалифицированному составу соответствующей статьи Особенной части.

В доктрине уголовного права предлагаются различные пути разрешения обозначенной проблемы. Одни авторы настаивают на ограничении круга лиц указанных в ч. 2 ст. 150 УК РФ, ограничиваясь теми, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Другие, напротив, обосновывают необходимость расширения данного круга либо путём использования приведённой в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ формулировки, либо посредством простого перечисления соответствующих лиц. Представляется, что наиболее перспективным является вариант, основанный на концепте фактического воспитания, получившем развитие в современной семейно-правовой доктрине.

С учётом достижений социологической теории статусов и ролей личности, а также результатов межотраслевого анализа отношений по фактическому воспитанию, диспозиции ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ целесообразно было бы дополнить формулировкой «тоже деяние, совершённое родителем, педагогическим работником либо иным лицом, которое фактически исполняет обязанности по воспитанию несовершеннолетнего». Подобная конструкция, с одной стороны, сохраняла бы необходимую определённость закона, а с другой – позволяла бы учитывать реальные возможности криминогенного влияния со стороны периферийных членов семьи на несовершеннолетнего.

Не менее сложные квалификационные проблемы возникают применительно к ст. 151.2 УК РФ. Эта статья в Уголовном кодексе появилась как прямой ответ на угрозу, которую несли в себе так называемые «группы смерти» в социальных сетях и распространение опасных подростковых увлечений – руфинга, зацепинга, сталкерства, диггерства, различных экстремальных забегов перед транспортом и прочих форм рискованного поведения.

Объективные признаки этого деяния проявляются через вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего.

Таким образом, чтобы наказать взрослого по ст. 151.2 УК РФ, следствию нужно доказать, что он не просто подбил подростка на риск, а склонил его к нарушению закона, которое к тому же опасно для жизни. Здесь кроется главная проблема: многие опасные хобби (например, «зацепинг» или руфинг) формально не запрещены, поэтому привлечь за них сложно. Статья работает только тогда, когда есть четкое нарушение конкретных правил. При этом важно, чтобы подросток действительно совершил опасный поступок — если он отказался, это считается лишь покушением.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (с изм. и дополн) // Российская газета. N 29. 11.02.2011.

[2] Кипман Е.М., Василенко Л.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 УК РФ // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2023. Т. 1. № 3(42). С. 42-47.

[3] Зарубина К.А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение нескольких преступлений: вопросы квалификации в свете Федерального закона от 29 мая 2024 года № 111-ФЗ // Пролог: журнал о праве. 2025. № 2(46). С. 97-104.

[4] Забродина В.В. Вопросы квалификации преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 150 и частью 2 статьи 151 УК РФ, по признакам специального субъекта // Защита семьи и несовершеннолетних: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: Материалы Межвузовского круглого стола. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. С. 34-40.

[5] Осмоловская С.И. К вопросу о видах

специального субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 3. С. 266-270.

[6] Комиссарова Е.Г. Доктрина непосредственного фактического родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 208-238.

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 No. 1 "On the judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors" (amended and supplemented) // Rossiyskaya Gazeta. N 29. 11.02.2011.

[2] Kipman E.M., Vasilenko L.A. Criminal law characteristics of crimes under Art. 150, 151 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region. 2023. VOL. 1. № 3(42). S. 42-47.

[3] Zarubina K.A. Involvement of minors in the commission of several crimes: qualification issues in the light of the Federal Law of May 29, 2024 No. 111-FZ // Prologue: Law Journal. 2025. № 2(46). S. 97-104.

[4] Zabrodina V.V. Issues of qualification of crimes provided for by part 2 of Article 150 and part 2 of Article 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, on the grounds of a special subject // Protection of families and minors: criminal legal, criminological and penal aspects: Materials of the Interuniversity Round Table. Yekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2024. S. 34-40.

[5] Osmolovskaya S.I. On the question of the types of special subject involving a minor in the commission of a crime // Problems of economics and legal practice. 2022. T. 18. № 3. S. 266-270.

[6] Komissarova E.G. The doctrine of direct actual parenthood in Russian and foreign family law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2022. No. 56. S. 208-238.

